

Валентина СОЛОГУБ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ
ДЕЯТЕЛИ
РОССИИ

Редакционная коллегия журнала назвала лауреатов «Приза «ТЖ»-87».

Ими стали:

драматург Юрий Мирошниченко (автор пьес «Арап Петра Великанова», «Зверь-Машка», «Пещерная бабка»); Николай Чиндяйкин, режиссер Омского драматического театра

(постановщик спектакля

«Не играйте с архангелами»);

Александр Дзекун, главный режиссер

Саратовского драматического театра

имени К. Маркса

(постановщик спектаклей

«Мастер и Маргарита»,

«14 Красных Избушек»);

Вячеслав Кокорин, режиссер

Иркутского ТЮЗа имени Н. Охлопкова

(постановщик спектаклей

«Высокое напряжение»,

«Сон в летнюю ночь»);

Рафкат Исрафилов, художественный

руководитель Башкирского

драматического театра

имени М. Гафури

(постановщик спектакля

«Старший сын»);

Людмила Липовская,

художник Горьковского

кукольного театра

(оформление спектаклей

«По щучьему велению»,

«Легенда горы Фудзи»);

Евгений Бражник, главный дирижер

Свердловского театра оперы и балета

имени А. Луначарского

(за спектакли «Борис Годунов»,

«Сказки Гофмана»);

Орво Бьёрнсен-младший,

актер Финского драматического театра

(исполнитель роли Кочкарева

в «Женитьбе»);

Сергей Селеменов, актер Красноярского

драматического театра

имени А. Пушкина

(исполнитель ролей Алексея

в «Кабанчике», Ивана в «Не убий»).

В отличие от прошлого года,

рассматривая творческие работы

деятелей театрального искусства России,

представление на получение приза,

редакционная коллегия журнала сняла

возрастные ограничения.

В этом номере предлагаем вниманию

наших читателей

беседу с одним из призеров,

драматургом Юрием Мирошниченко.

Материалы о других лауреатах

«Приза «ТЖ»-87»

можно будет прочесть

в каждом нечетном номере журнала

за текущий год.

Редакционная коллегия, вручая награды,

желает лауреатам

новых творческих дерзаний

и плодотворного поиска.

ГЕНЕРАЛ, МАШКА, АРАП И ПЕЩЕРНАЯ БАБКА

(ИЛИ ПОРТРЕТ ДРАМАТУРГА С ДЕЙСТВУЮЩИМИ ЛИЦАМИ В КАРТИНАХ И ПУТЕВЫХ ЗАРИСОВКАХ)

Юрием Мирошниченко написано уже 10 пьес. Но рассказ о его творчестве затрудняется одним обстоятельством: как театральный драматург он пока незнаком широкому зрителю. Правда, в театральной среде, на профессиональных совещаниях и семинарах о нем давно говорили, уважаемые мастера сцены и режиссеры высоко отзывались о его произведениях, мечтали их поставить, обращались в соответствующие организации и... Все благие намерения и творческие замыслы наталкивались на мощную, глухую стену — «непроходимо!». Сейчас

брешь пробита. Его пьеса «Зверь-Машка» поставлена в двух театрах — Новосибирска и Челябинска, привлекла внимание за рубежом. Наконец-то!

Маршрут моей командировки таков: Новосибирск — Ленинск-Кузнецкий — Белово — Кемерово — Новосибирск. Столь протяженный путь связан со съемками фильма. А пока я «еду», скажу о Юрии несколько слов.

Родился он в шахтерском поселке города Кемерово. Здесь родился и здесь на шахту пошел. С 16-ти лет знакомы ее будни. После окон-

Ю. Мирошниченко Фото Г. Седова

А вот климат в Архангельской губернии не позволяет здесь жить тиграм.

Не могут тигры, климат не позволяет...

И. Е. Селиванов, самодеятельный художник (из беседы)

чания ВГИКа (где мы с ним учились, а потом, когда он приезжал в командировки в Москву, вели нескончаемые разговоры на маленькой кухне за чаем, и с тех пор я была навсегда покорена его талантом рассказчика, мечтаю, чтобы к нему пришло признание) работает он на Новосибирском телевидении. Его документальные ленты — о жизни шахтеров, которых он знает не со стороны, не из газетных вырезок, а изнутри, по имени, — привлекают внимание публицистической страстностью, «документальной» точностью в изображении среды и деталей, нетерпимостью к подделке, фальши, выпренности и пустословию.

Итак, 5 августа, Новосибирск. Юра только что вернулся со съемок на Дальнем Востоке, где побывал вместе с героем фильма Баженовым. Дальше ночным поездом мы выезжаем в Ленинск-Кузнецкий, где происходят основные события фильма. По дороге Юра рассказывает:

— На шахте имени Ярославского произошло ЧП: бригада отказалась работать под началом Баженова. На своем собрании все единогласно проголосовали против него. А Баженов — один из лучших бригадиров, награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», почетный гражданин города, потомственный шахтер. Для руководства шахты это полная неожиданность, ведь на таких, как Николай Михайлович, держится план, дисциплина, ответственность. Я тут же ухватился за этот случай. Приехал, спрашиваю членов бригады, почему тридцать лет Баженов устроивал, а теперь не годится, в чем причина? И вот что интересно: о нем как о труде никто плохого слова не сказал, рабочего в нем ценят, а от его бригадирства категорически отказываются — надоело быть рабами, надоело его диктаторство, окрики, оскорбления, дело не дело — получай авансом. Раньше, говорят, терпели, время было такое, жизнь заставляла, а теперь пришла молодежь — не хочет. Баженов переживает эту ситуацию страшно, аж почернел весь. Всю жизнь отдал делу — и вот такой результат. Сам Николай Михайлович считает, что

с ним свели счеты лодыри, приспособленцы, карьеристы, воспользовавшиеся демократией. Наверное, и это есть, ведь плохих бригадиров не переизбрали, а он всегда на виду был. Но и зерно в обвинениях горняков тоже есть. Вот такая история, и конфликт в ней далеко не частный...

6 августа, Ленинск-Кузнецкий, 8 утра, съемки. Рассказывают о Баженове члены бригады, проработавшие с ним более двадцати лет. И звучат неслестные слова в адрес Баженова, слышна обида за унижения, за несправедливое отношение к своему труду: хороших показателей добивались все вместе, а награды да почести шли только бригадиру, про шахтеров никто не вспоминал...

8 часов вечера. Мы в гостях у Баженова, съемки. Юра, ведя с ним интервью, пытается повернуть своего героя к истокам его жизни. Как потом он сказал: «Хотим пробраться к нему лучшему, истинному, через все искореженное, наносное, что наслонили в нем эти годы зстоя, бесправия, когда привыкли действовать только волевыми, диктаторскими приемами. Как сверху шло, так и дальше отзывалось. Вот и не заметил, как для своих же товарищей чужим стал. А ведь ему казалось, что ради них старался, ради их рубля. Но Баженов личность, уверен, найдет он в себе силы обрести свою человеческую опору. Я так и фильм хочу назвать — «Возвращение к себе».

— Юра, насколько я понимаю, и «Пещерная бабка» о том же, о возвращении к себе — о преодолении социальной озлобленности, предвзятости, о возвращении к законам народной нравственности?

Для читателей поясню сюжет пьесы. Есть у бабки сосед Бобрjak, который много причинил неприятностей и самой бабке, и другим жителям поселка. Но вот он неожиданно помер, оставив после себя жену и придурковатую дочку. Пришла бабка, отпела его по русскому обычаю, а хоронит некому — всем крепко насолил, никто из соседней не хочет, а близкие покойника сами гроб вынести не могут. И тогда бабка пошла по поселку собирать людей. Над ней смеются, что Бобрjak, мол, больше всего ей пакости наделал, а теперь она за него хлопчет. А бабка пытается объяснить, что ненависть — плохой советчик, что негоже оставлять людей в беде, забывать закон человеколюбия. Если ты человек...

— Я в «Пещерной бабке» пытался передать свою боль по Руси уходящей, — говорит Мирошниченко. — Моя пещерная бабка — последний из могикан. Но я бы не хотел, чтобы ее роль выглядела назидательной, манера ее исполнения должна быть ироничной. Я представляю в этой роли Пелтцера: и посмеяться, и колесце выкинуть, и стать грудью на защиту святых вещей.

— В бабке все же есть некоторая назидательность, она отчасти пророк, проповедник, а вообще-то ты пишешь в жанре не совсем привычном для нашей литературы, театра. Я имею в виду абсурд, при-

Ю. Мирошниченко на съемках фильма «Возвращение к себе»

митив, лубок. Почему?

— Ты же понимаешь, что манера не выбирается, форма органична фабуле, жанр тот, где автор может наиболее полно выразить свои идеи, мысли. Моя форма дает возможность говорить о вечных и святых для меня вещах.

Пришел ко мне как-то сотрудник Министерства внутренних дел, просил фильм сделать. Рассказал случай, вопиющий. Один железнодорожник отправлял сына в армию. Гости не хватило вина. Узнал он, что остановился на станции состав с вином, подходит к машинисту, просит открыть вагон. Тот отказался — вино не мое, не могу. Этот его уговаривает: ты машинист, я машинист, что же мы друг друга не поймем? А тот ни в какую, «недогадливый», уперся и все. Тогда наш имярек предупредил, что худо будет, но тот все равно отказался. И устроил папаша аварию, чуть не пустив состав под откос. Действовал вместе с сыном. Посадили его, и вместо армии парень тоже в тюрьме оказался. Я ухватился за его рассказ, но пробить сценарий не удалось — не принято было у нас тогда говорить о неблагополучном. Герои «Пещерной бабки» — это результат неудачного социального воспитания. Если человек не способен в критические минуты подняться над своей антипатией, он моральный урод. Бабка заставляет их хоронить Бобрjака, заставляет переступить через свое мелкое самолюбие, чванство, зависть, ненависть. Несмотря ни на что, делай добро. Так всегда в народе водилось.

7 августа. В 8 утра мы спускаемся в шахту. Выбор природы для очередного эпизода. Наш Вергилий — Речкин Анатолий Владимирович, начальник участка, после окончания

института работает в шахте более двадцати лет. Пока добраемся до места выработки, обсуждают они с Юрой, что у всех горняков на языке: о дугих рекордах, о фиктивных миллионерах-маяках, о неправильном распределении средств производства и поощрений, и эта подтасовка, не приносящая никому пользы — ни государству, ни рабочим, — рождает в рядовых шахтерах чувство социальной несправедливости, обрастает острыми шутками и анекдотами.

Час дня. Мы выезжаем в Белово, в гости к Ивану Егоровичу Селиванову. Жил себе человек и жил в северных краях России, работал печником, путейщиком, рисовал курочек, петушков, лошадей, кошек, людей, схожих между собой распахнуто-удивленными глазами и обретающихся в космической гармонии всего живого. А теперь его картины — национальное достояние, известны в мире. А пока едем.

— Вот ты была в первую смену, когда идут ремонтные работы и тихо, комбайн не работает. А когда все включат, запустят — все гремит, грохочет, трясется, угольная пыль летит — ад кромешный! Да не дай бог, что-то сломается — тогда на себе тащить, а все такое неподъемное! И этот труд еще тяжел тем, что в нем нет элемента творчества, однообразный, выматывающий, отчужденный от человека. И так изо дня в день. Романтики тут не вижу. Но пока не изобрели взамен чего-то другого, есть необходимость человечества в таком труде, как в хлебе, в воде, так и в тепле («тепло и свет приносят людям»). Работа в шахте — это работа мужчин. Она требует от человека максимум силы, воли, выносливости. Здесь труднее, чем где-либо, отси-

деться за чей-то счет, не прийти на выручку, иначе потом к тебе не придут. Жесткий, но справедливый кодекс моральных ценностей. Здесь действительно все люди — братья. И вот при таких тяжелых условиях люди нуждаются в ярких, сильных личностях. Я счастлив, что, когда пришел на шахту, попал в бригаду к Косте Песчанскому. У нас в шахте «Северная» падение пластов крутое, выработки мокрые, за ночь портянки не просохнут, особенно тяжело зимой. И в этой серой, тяжелой жизни такие, как Костя, необходимы. То шарж на кого-нибудь покажет, спародировать ситуацию — шутка, смех, и усталость рукой сняло. И искусство должно быть таким, в этом я вижу его миссию: перевернуть ситуацию, дать неожиданный взгляд, столкнуться серьезное и смешное. А если нагнать, просто копировать окружающую жизнь или шутить плоско, банально, — смерть человеку.

Мы у Селиванова. Иван Егорович маленький, сухонкий, постриженный под скобку, как мастеровые, в фартучке и кирзовых сапожках. Воздушный, почти невесомый. Так и кажется, что повернется он, а у него за спиной крылышки, и не пойдет он, а вспорхнет над землей. Как будто он из сказки, из легенды о лесовичках и духах. Говорил он о том, что волнует каждого художника, — про природу, зверей, искусство, творческие муки. Про разрыв между человеческим равенством и техническим прогрессом изложил Иван Егорович свои мысли. Но быстро устал — почтенный возраст да здоровье не позволяют долго принимать гостей.

6 часов вечера. Из Ленинска междугородным «Икарусом» отправляемся в Кемерово.

— Юра, чем тебя так притягивает творчество Селиванова? Прими-тив, лубок, в чем, на твой взгляд, сегодня его художественная ценность?

— Существует высокая литература, — Достоевский, Лесков, Гоголь, Булгаков, Маркес... Но рядом с высокой литературой существует фольклор — народные предания, сказки, пословицы, поговорки, в которые народ вкладывал, оттачивая веками, свои мысли, опыт, наблюдения, которые потом философы и художники развивали. Федор Михайлович Достоевский любил записывать народные пословицы, знал многие наизусть, потому что в них та же высота, космос. И у Селиванова в этом же роде — просто и космос. Булгаков говорил, что оригинальное искусство и литература рождаются не на классике, а на ее заготовках. Когда я поступил во ВГИК, поехал в Переделькино к Леониду Максимовичу Леонову. Знаком не был, как провинциал, бесхитростно — очень любил его произведение, особенно «Метель», — захотел его увидеть, поговорить. Он меня сначала спросил, а не привез ли я ему рукописи читать? Сказал, что нет, и пообещал рукописи ему никогда не присылать. Тогда он успокоился, принял меня. Я был потрясен тем, как говорит Леонид Леонов, архитектурной его речи, своеобразием выраженной

мысли.

Я всегда вспоминаю Василия Макаровича Шукшина, его «Калину красную». Во всем фильме неповторимость личности самого Шукшина, его прожитой жизни, его познание боли, счастья, народной психологии. Вот так и Селиванов. Для кого-то истины, которые он говорит, прописные, их проходили в школе. А он гармонией своей души их постиг. Мне близок Виктор Астафьев, его склад мышления, язык. Он резок, иногда неправ. Но я вижу, что слова, которые он произносит, через его сердце прошли. Мне важно не умение объяснить гладко что к чему, а душевный склад человека, его личность. Сейчас не помню в подробностях разговор с Леоновым, прошло более двадцати лет, а вот его свет помню.

В центре Кемерово, в привокзальной площади, висит щит: «Пользуйтесь услугами такси. Оно с комфортом довезет вас в любую точку города». Ждем час, текст выучили уже наизусть, а такси нет. Частники заламывают невероятные цены. Из чувства социального протеста в автобусах, на перекладных, с тяжелыми дорожными сумками и «с комфортом» мы добираемся до поселка шахты «Северной».

Мы дома. Мы там, откуда Юра родом. Здесь жили его дед и баба Оля. Теперь живут они в «Пещерной бабке». Здесь живет его мать Анастасия Васильевна и отчим Анатолий Францевич, с малых лет заменивший Юре отца, погибшего под Сталинградом. Здесь, в поселке, живут многие герои его пьес: «Пещерная бабка», «Зверь-Машка», «Поселок», «Легенда о мятежном генерале». Наверное, кажется странным, но я не могу употребить здесь привычное выражение «прототипы героев». Тут оно неуместно. Дело в том, что имена реальных людей Мирошниченко не меняет, а так и переносит этих людей в свои пьесы, со всеми приметам их психологии и образа жизни. Объяснил это так: «Если изменю имя, мне труднее будет их написать». — «А если узнают?» — «Ну и что, я их не обижаю, почти всех люблю...» По соседству с домом Анастасии Васильевны живет Валентин, тот, что в пьесе «Зверь-Машка» вырастил огромную свинью и позвал Федю убить ее, его жена Галина, которая доказывала, что «их свинья самая большая в поселке». А с другой стороны — дом Михалыча. Так и стоит у заборчика своего полисада, в зеленой шляпе, как в пьесе. Увидел нас, поклонился, показывает пальцем вверх, на дерево: «Вот, понимаешь, сволочь—сучок вырос, понимаешь, до проводов, помехи делает, радио хрипит». В «Пе-

щерной бабке» Михалыч всем рассказывает страшные истории, которые он вычитал в газетах, как кого-то случайно замуровали в стену, кого-то убили, а здесь, «сучок, понимаешь...». Потом пришел в гости Федя, герой пьесы «Зверь-Машка», попросил его по отчеству не знакомить, раньше времени не старить, представился: «Федя». Спросил рефреном из пьесы: «А ты ходил вчера?» — «Нет, Федя, не ходил, я только что приехал, давай завтра на рыбалку махнем?» Договорились.

8 августа. Поздний вечер. Мы сидим на лавочке перед домом бабы Оли. За крышу дома Семена Кожевникова (того, что в «Звере-Машке» как председатель уличного комитета порядок наводит) зацепилась луна. По ней видно, что и завтра будет жара. Над нами свисают ветки черемухи со спелыми, сочными ягодами. Из дома вышла кошка Дашка и свернула за угол. Мы возвращаемся к прерванному разговору.

— Мы говорили о твоём понимании абсурда. Сложилось традиционное представление, что абсурд идет от западной литературы — Ионеско, Беккет...

— Нет, это не так. Набоков в своей статье блестяще показал абсурдизм в творчестве Гоголя, когда два мужика стоят и спорят, доедет ли карета до Петербурга, или колесо отвалится. Гоголь весь пронизан абсурдизмом. Это есть у Достоевского, Лескова... Как понимали абсурд в искусстве? Перенос нереального события в реальные обстоятельства и их взаимодействие, например, тигры в ванной комнате, носороги на улице. Абсурдизм может заключаться в реальных обстоятельствах, самых бытовых, но их сцепление рождает чувство абсурда.

Приведу такой случай, который хочу когда-нибудь использовать. Когда мы снимали с вертолета буровые вышки на Севере, то и мы, и вертолетчики привыкли снимать следующим образом. Вертолет зависал над буровой, мы открывали дверцу и вместе с режиссером держали оператора за пояс, а он, упираясь ногами в стенки, снимал. Однажды довелось нам снимать в Тюменской области, и когда мы сказали вертолетчику, как мы снимаем, тот категорически запретил. Он требовал, чтобы мы работали по всем правилам техники безопасности: привязывали оператора страховочной веревкой. Мы ему говорили, что так уже привыкли, но он ни в какую: не хочу закон нарушать! Он прочитал настоящую мораль оператору. Разговор был примерно таким. Ты хочешь своих детей сиротами оставить? Нет, не хо-

чу. Сколько тебе лет? 35. Неужели ты не хочешь дальше жить? Хочу. Ну вот и подумай, что может быть. У меня тоже двое детей. Девочка учится в музыкальной школе. Хорошо играет, только пальцы короткие. Но говорят, что пальцы вырастут, хочу дождаться. А ты мне предлагаешь из-за тебя в тюрьму сестра... В общем, сказал обо всем, нас застыдил, мы подумали, что действительно нельзя так, согласились, прав мужик. Поднялся вертолет, открыли дверцу, мы сели рядом, сиди себе, отдыхаем. Оператор, привычка опираясь ногами о стенки вертолета. А когда кончил снимать и закрыли дверцу, то оказалось, что пилот второй конец веревки... забыл привязать. Что это? Ведь он подумал обо всем, обо всех позаботился, оказался очень сострадательным человеком, ему было жалко нас, детей оператора, своих собственных. Он призывал к совести, оказался великим моралистом. Все его доказательства были логичны. Но он упустил только одну, маленькую деталь, самую бытовую — второй конец веревки. И все становится абсурдным. По-моему, уже не нужно, чтобы носороги бегали по улице, а тигры мысли в ванне.

Так что же такое абсурд? Его закон в искусстве один, он может быть составлен из разных слагаемых — реальных, фантастических или сугубо бытовых, но результат его противоречит законам жизни, логике разума. У нас абсурд настолько стал привычным, что мы его просто не замечаем. Мы живем в нем, не удивляемся ему, пытаемся оправдать, объяснить его. Поэтому когда я пишу, я беру нормальную ситуацию и мои герои действуют в нормальных узнаваемых обстоятельствах. Я ничего не меняю и не придумываю. Как в жизни.

А ты знаешь, как я начал писать? Приходит как-то жена Наташа с работы, она преподает философию в Институте инженеров водного транспорта. Расстроенная ужасно. Что такое? Прошла молва, что преподаватели института должны носить форму речников, срочно надо сдать деньги на полное обмундирование: пальто с каракулевым воротником и военными пуговицами, костюм, сапоги, шапка. Где при нашей зарплате да двоих детях взять сразу столько денег?! А теща думала-думала да и говорит: «Интересно, а по какой цене будет продаваться материал на пальто?» Я как услышал это да еще и представил, как все дамы, как одна, будут вышагивать в воензированной форме, так и покотился со смеху. И тут же родилась пьеса — о штампах мышления, стереотипах чувств,

поступков, представлений. Свинья съела человека, и все сразу поверили, что это нормальное дело, никто не усомнился, что такое может быть, стали гадать да рядить, как же теперь в этих обстоятельствах устроиться. Я давно знал эту историю, которая произошла у нас в поселке. Но здесь она моментально сложилась, и я ее только записал.

— А в чем ты видишь назначение своего творчества?

— Думаю, что к литератору можно применить заповедь: кому много дано, с того много и спросится. Как я понимаю, литератору дано больше, чем обычному человеку, он должен быть сильной, крупной личностью. Какие ценности я исповедую? Да, наверное, какие и все: возлюби ближнего, не обижай слабого, прости обидевшего тебя. Показать абсурдность жизни, ее нелепость — этого еще мало. Надо человеку подать надежду.

Когда корабль подходит к берегу, с него бросают чалку, чтобы пришвартоваться. Так и литератор должен подавать эту чалку человеку. Брать на себя больше других — долг литератора, брать на себя этот крест и нести. Очень нравятся в этом смысле рассказы Шукшина «Танцующий Шива». Он точно выразил свое отношение к искусству — оно должно быть справедливым, если надо — злым, но не должно пользоваться запрещенными приемами, должно быть честным и чистым. Что меня тревожит, какие проблемы волнуют? Да все одни и те же, они волнуют всех сегодня. Бездуховность, забвение истории, своих корней, варварское отношение к природе, забвение вещей этических, утилитаризм жизни душевной... Но излагать эти истины напрямую, лобово — на мой взгляд, впадать в пошлость, банальность. Надо через космическое осмысление, с высокой дистанции. Вот почему я выбираю такую форму, как примитив, байка, абсурд.

13 августа. Самолет Новосибирск — Москва. Финал, но, как говорится, открытый. Я читаю последнюю пьесу Мирошниченко «Арап Петра Великанова» и думаю о том, что постоянно сетуют: нет у нас талантливых произведений о современности, не с чем выходить к народу. Взгляните на карту нашей страны. Неужели оскудело Отечество талантами? Или надо умереть, чтобы стать Высоцким, Шукшиным, Тарковским, Рубцовым, Вампиловым?..

Москва — Новосибирск — Ленинск-Кузнецкий — Белово — Кемерово — Новосибирск — Москва
Август 1987 г.

Фото Г. Седова

